

ТОПОЛОГИЯ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ

Статья посвящена проблеме определения сущности города. На город предлагается посмотреть с точки зрения феноменологической парадигмы. Городская среда представляет собой качественное единство разнородных локусов жизнедеятельности городских сообществ. Каждый город является уникальной системой локальных социальных порядков – топосов. В статье указываются необходимые аналитические процедуры топологического анализа и выделяются топосы как структурные элементы городской жизни.

Ключевые слова: локусы жизнедеятельности; топосы городской жизни.

Давно известно, что то, что нам является в своей реальности, может являться в трех видах: материальной, идеальной, реляционно-отношенческой. Город – не исключение. Поэтому минимальное число исходных дефиниций города (три) отражает его тройственную природу: естественно-метафизическую и реляционную. Как материально-предметная форма социальной жизни (объективная реальность) город есть функциональная система для удовлетворения потребностей. Содержанием исторических изменений в этом плане является дифференциация социально-экономических функций города, что приводит к появлению новых типов городов. Как идеально-символическая форма социальной жизни (субъективная реальность) город – социокультурная система. Как предмет отношения жителей, как континуум повседневных действий город – среда обитания, неделимая на материальные и идеальные компоненты и переживаемая в виде феноменов городской жизни. Различия в природе реальности города предполагают различия в методах их изучения и системе понятий, что в совокупности составляет парадигму изучения. В урбанографии просматриваются как минимум три основные парадигмы: структурно-функциональная, базирующаяся на позитивистском методе; социокультурная, предполагающая использование герменевтического метода; относительно недавно появившаяся средовая парадигма, основанная на феноменологическом методе. Существует много текстов о городе, выполненных в рамках структурно-функциональной и социокультурной парадигм. Методологический потенциал средовой парадигмы и феноменологического метода еще нуждается в осмыслении.

Как объективная реальность, данная нам в ощущениях, город существует как материально-предметная оформленность социальной жизни в виде функционально организованной системы удовлетворения потребностей или, более метафорически, – в виде некоторой социальной машины (социального организма), обеспечивающей жизнедеятельность людей, их безопасность и комфорт. Как субъективная реальность, как реальность наших представлений о возможных и желательных формах и способах жизнедеятельности город существует как идеальный проект жизни в виде знаково-символической системы мировоззренческих ориентиров (ценностей, социально-групповых интересов, политико-идеологических программ, эстетических предпочтений и др.). Как идеальная социально-смысловая конструкция город представляет собой воплощение мечты, смыслов существования, реализацию жизненных планов человеческих сообществ, бесконечный социокультурный проект желательного состояния – то, чем надлежит быть реальности. Здесь мы имеем такую парадигмальную ситуацию, о которой писал П. Бурдьё: «В самом общем виде социальная наука – антропология, социология или история – колеблется между

двумя с виду несовместимыми точками зрения: объективизмом и субъективизмом или, если угодно, между физикализмом и психологизмом (который может принимать различные окраски: феноменологические, семиологические и т.п.). С одной стороны, согласно старой дюркгеймовской максиме, она [социальная наука] может “рассматривать социальные факты как вещи” ... С другой стороны, она может сводить социальный мир к представлениям о нем, конструируемым самими агентами...” [1. С. 182–183]. Однако субъективная реальность наших представлений и бесконечность жизненных планов возникают не самопроизвольно, а как результат нашего отношения к тому, что мы имеем, к тому, что нас окружает, в процессе *о-своения*, *о-владения* нами имеющихся возможностей удовлетворения потребностей и реализации желаний и целей. Наше сознание (осознание чего-либо) носит реляционный характер. Из окружающей реальности мы выделяем значимые и актуальные для нас фрагменты – релевантные тому жизненному миру и той жизненной ситуации, в которых находимся мы сами и который мы разделяем с некоторыми другими или они разделяют с нами. Город – это всегда «*мой город*» и «*наш город*», а не город вообще. Таким образом, город как феномен обладает не только объективными характеристиками, но и интерсубъективной значимостью и интрасубъективным смыслом. Чтобы понять поведение горожан, надо понять, представить себе, сконструировать тот континуум жизнедеятельности, в котором реально протекает их жизнь. «Социология должна включать в себя социологию восприятия социального мира, т.е. социологию конструирования воззрений на мир, которые в свою очередь участвуют в конструировании этого мира» [1. С. 192]. Город – это предмет нашего *сознания-о-нем* и нашего *отношения-к-нему*. И в этом плане его природа (происхождение образа) носит реляционный (отношенческий) характер. «Чтобы действительно преодолеть искусственную оппозицию, установившуюся между структурами и представлениями, нужно порвать со способом мышления, который Кассирер называет субстанциалистским...». Это можно сделать путем применения «к социальному миру реляционного способа мышления, способа современной математики или физики, который идентифицирует реальность не с субстанциями, а со связями» [1. С. 185]. Город в нашем отношении к нему существует как интенционально-смысловая конструкция – система жизненных миров; поскольку наше отношение меняется, то и перманентная деконструкция – континуум феноменов городской жизни, существующих в форме высказываний о том, что есть, – «на самом деле» и что происходит – какие *со-бытия* «имели место быть». «Таким образом, восприятие социального мира есть продукт двойного структурирования. Со стороны объективной оно социально структурировано. ... Со стороны субъективной оно структурировано в силу

того, что схемы восприятия и оценивания... вписаны в язык...» [1. С. 196]. Новым, по сравнению с традиционным (классическим) пониманием природы города, является реляционный взгляд на пространство городской жизни, согласно которому основой поведения является личностный смысл, формирующийся в конкретной ситуации. Трактовка природы социальной реальности как *ситуационно-смысловой* согласуется с феноменологическим пониманием социального действия как интенционального переживания реальности. Поведение, понимаемое А. Шюцем как опыт сознания, наделяющий значением спонтанную активность, основывается на личном опыте и личных интересах человека. «В каждый момент своей сознательной жизни я нахожусь в мире, и мое положение в нем – во времени, пространстве, природе и, как мы обсудим далее, как человека среди людей – то, каким оно мне представляется, – я называю моей ситуацией в мире. Следовательно, я всегда нахожусь, как любят выражаться французские экзистенциалисты, «в ситуации» [2. С. 371]. Поскольку в феноменологической парадигме смысловая структура мира есть одновременно конституция и конструкция, то при исследованиях необходимо отчетливо осознавать тот факт, что каждый индивид формирует свою особую социальную и физическую среду и именно на нее реагирует. Адекватное объяснение поведения в определенной среде должно исходить из представления о среде как единстве морфологических и смысловых структур, а поведение представляться как взаимообусловленный процесс действия и результата. Личный опыт смысловой ориентации в пространстве превращается в естественный порядок его восприятия и становится естественной установкой, порождающей различения локусов среды.

Итак, город – это одновременно и место жизни людей, и определенная структура отношений между ними, одновременно физическое и социальное пространство. Есть два подхода к пониманию социального пространства: субстанциалистский и структуралистский. В первой трактовке оно состоит из субстанций, т.е. индивидов, их групп и организаций. Социальное пространство обладает материальной субстанцией – людьми. Во второй трактовке социальное пространство – это надындивидуальная реальность, состоящая из структурированных социальных отношений. П. Бурдьё, стремясь преодолеть противопоставление субстанциалистского и структуралистского понимания пространства, писал о том, что физическое и социальное пространство в реальности существуют в единстве – в одном и том же «месте»: «...люди, сильно удаленные в социальном пространстве, могут встречаться, вступать во взаимодействие в физическом пространстве...» [1. С. 187]. Бурдьё исходит из того, что человеческие существа являются в одно и то же время биологическими индивидами и социальными агентами. Как биологические индивиды человеческие существа локализируются в физическом пространстве: занимают определенные места территории. Однако они не сидят постоянно на одном месте, а перемещаются в физическом пространстве (по территории, по месту жительства и т.п.), попадая при этом в различные социокультурные пространства: отношения разного типа и ценностно-мировоззренческие миры городских сообществ. Как социальные агенты люди всегда занимают определенную социальную позицию, реализация которой также предполагает определенное физическое пространство. В обоих случаях имеет

место интерференция территории и пространства, устойчивая практика которой и порождает топос как населенное пространство, отношения между живыми, физически существующими людьми на конкретной территории. Поскольку местоположение человека как в физическом, так и социальном пространстве постоянно меняется, но при этом сам человек остается целостным, интегральным носителем некоторого субстанционального качества своей личности, то местоописания положения человека «является социальной топологией, *analysis situs*, как называли эту новую область математики во времена Лейбница, анализом относительных позиций и объективных связей между позициями» [1. С. 185–186]. Как раздел математики топология изучает наиболее общие свойства геометрических фигур, не изменяющиеся при любых преобразованиях. Социальная топология, на наш взгляд, призвана изучать инверсию физического и социокультурного пространств как механизм освоения человеком окружающей его среды в результате чего образуются топосы городской жизни как «место», где физическое встречается с символическим и приобретает форму устойчивых социальных отношений. Топос также можно представить как механизм формирования социальности, возникающей в результате соединения людей в духовное сообщество в определенной местности – «дух места» (о чем писал Парк). Вслед за С.А. Азаренко мы также полагаем, что «проблему (социальной топологии. – С.П.) необходимо увидеть в способах размещения человеческих тел, при которых “места” только и образуются в качестве “мест” социальности в ходе опространствливания взаимодействующих тел» [3].

Социальная топология как способ описания социального бытия начинается с акцентуации двух моментов жизни: телесности ее акторов и их социальной позиционности. В основе социальной топологии П. Бурдьё лежит идея взаимообусловленности отношений и тел. В реальной жизни каждого человека это два взаимообусловленных момента. «Место», которое занимает человек в жизни – это одновременно и то, где размещено его тело, и то, где осуществляются его отношения с другими личностями. Попадая в ситуацию, мы попадаем одновременно и в физические и в социокультурные обстоятельства. И тело и социальная позиция принадлежат, конечно, конкретному человеку, однако имеют реляционную природу: они приобретаются человеком по мере освоения и усвоения им окружающей среды – физической, социально-функциональной, символической. Тело человека в процессе социализации «путешествует» по «местам» локализации разного типа социально-институциональных отношений (дом, производство, кладбище и др.), «впитывая» в себя различные модели институционально-ролевого поведения. Происходит интерференция социальных навыков телесного поведения (психо-соматических ролей) и закреплённой за определенной социально-функциональной зоной институциональной нормативности (социофункциональных ролей). В результате формируются «матрицы сопряжения материализованных социальных структур и подстроенных к ним телесных навыков», поскольку «любое надолго присвоенное место, в свою очередь, присваивают тела своих обитателей и формируют в них специфические навыки овладения пространством и естественный порядок его восприятия, которые становятся инерционной системой отсчета, порождающей спонтанные различия на уровне

чувства уместности/неудобства, спокойствия/бурления, комфорта/тревоги и т.д.» [4]. Это, на наш взгляд, объясняет феномены «дух места» и «дух города» – конкретное для какого-либо района и какого-либо города социокультурное своеобразие системы топосов городской жизни, возникающее как закрепление на конкретной территории практических схем повседневной жизни, берущих свое начало в истории освоения мест проживания: заселения, формирования архитектурной среды (архитектуры, инфраструктуры, благоустройства и др.), закрепления функциональной специализации, формирования ментальности (умонастроения) их жителей.

Использование понятия «топос», позволяет, на наш взгляд, подчеркнуть это единство духа и тела, преодолеть свойственное классической традиции противопоставление духа и тела. Топос, с одной стороны, – это место нахождения действующего человека, а с другой – место концентрации отношений определенного типа и «духовной энергии» (Зиммель). Топос – качественная определенность территории и пространства, достигаемая за счет присутствия человека. Примером может служить публичное пространство города. В то же время в одном и том же физическом пространстве (на одной территории) может находиться некоторое множество социальных пространств как различных типов отношений. Находясь на одной территории, люди могут находиться в разных пространствах, и наоборот – пространство отношений может существовать между людьми, не находящимися на одной территории. Одновременно границы физического пространства задаются локализацией социальных отношений. Наиболее очевидна эта ситуация в церкви (топос сакрального). В то же время человеческое тело – это всегда социальное тело: физическая субстанция, реализующая социальные модели и социально-практические схемы поведения, так же как физическое тело города, – опредмеченные, овеществленные отношения как социально-функционального, так и символического плана. Описание топоса городской жизни представляет собой изображение территории города как системы объективированных социальных различий. Более сложным вариантом интерференции архитектурной территории и символического пространства является ситуация палимпсеста текстов города, когда на материале одной и той же архитектуры сосуществуют различные символические пространства. Так, например, как пишет А.Н. Попадин, в материальном теле Калининграда живет символическое тело Кёнигсберга [5].

Существование топосов является онтологической основой анизотропности городской среды. Анизотропией в физике называют неодинаковость проявления физических свойств в разной физической среде, например

скорость распространения света может быть различной в зависимости от свойств того тела, в котором распространяется свет. Анизотропность городской среды проявляется в том, что поведение одних и тех же людей различно в отдельных местах «тела города»: трудовое, досугово-бытовое, рекреационное. Топосы городской жизни – «места» различного «протекания жизни». «Разноликость» горожанина – демонстрация различных моделей поведения и различных качеств личности одного и того же человека, обусловлена тем, что горожанин по своей жизненной траектории попадает в различные топосы, структура и качественная определенность которых и детерминирует актуальное поведение. Эксперименты Милграма, демонстрирующие феномен невмешательства субъектов публичного пространства в «частную жизнь» других субъектов, свидетельствуют о существовании особых (неписанных) правил организации отношений, например в публичном пространстве все равны и каждый волен вести себя как хочет (в разумных пределах) [6]. Степень сформированности публичного пространства в разных городах может быть различна, различна и степень городской свободы. Анизотропность означает качественную разнородность жизнедеятельности, качественную дифференцированность образов жизни и, в конечном счете, фрагментов городской среды. Попросту говоря, анизотропность ландшафта означает, что человеку не все равно, где жить, куда перемещаться, что и как там делать.

Существование различных топосов в городской среде является также основой ее полиморфизма: каждое из мест города имеет множество разных функций, используется в разных целях, служит разным группам для решения разных задач. Одно и то же место, например парки, рестораны, театры и т.п., для одних горожан означает место работы, а для других – место отдыха или общения. И, соответственно, жизнь одних и других различна в одном и том же месте.

Подводя итог и намечая перспективы изучения топосов городской среды, можно опять вернуться к П. Бурдьё, который одним из первых стал трактовать социологию как социальную топологию жизни. Вслед за ним можно структурировать топос как двуединство ансамбля отношений, производящего социальные события и схемы повседневной телесно-поведенческой практики. Эти две стороны топоса жизни объединяет габитус акторов социального действия: очевидные принципы жизнеустройства, работающие одновременно и как схемы восприятия реальности, и как схемы практического поведения. Но это уже другая тема.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // П. Бурдьё. Начала. Choses dites. М., 1994.
2. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. Раздел «Размышления о проблеме релевантности». Глава 7: Биографическая ситуация. М.: РОССПЭН, 2004.
3. Азаренко С.А. Перспективы социально-топологического способа описания в современном общественном знании // Социемы. № 8. Режим доступа: www2.usu.ru/soc_phil/rus/texts/sociemy/8/azarenko.htm
4. Бикбов А. Москва/Париж: пространственные структуры и телесные схемы // Логос. Журнал по философии и прагматике культуры. 2002. № 3, 4. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_03-04_34.htm
5. Попадин А.Н. Символическое и материальное тело Калининграда и Кёнигсберга. URL: <http://www.a4plus.ru/club/texts/telo.html>
6. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. Ч. 1: Человек в большом городе. СПб., 2000.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 14 января 2010 г.